

Л. В. Хомич

О некоторых предметах культа надымских ненцев

Сведения о различных сторонах религиозных представлений и культа у ненцев встречаются в довольно ранних источниках. Еще в Сибирских летописях, относящихся к XVI в., упоминается, что самоеды поклонялись идолам. Некоторые авторы XVIII, XIX и начала XX в. в своих работах дают сравнительно подробные описания жертвенных мест, жертвоприношений и других — главным образом внешних — сторон религии ненцев. Очень многое, однако, остается еще плохо изученным.

В настоящее время сбор материалов по религии затруднен в результате тех больших преобразований, которые произошли в тундре за годы Советской власти. Воспоминания о прежних религиозных представлениях и связанном с ними культе сохранились лишь среди лиц старшего поколения. Поэтому все новые данные представляют интерес для вскрытия ранних форм религиозных верований.

Настоящая работа является попыткой в какой-то степени обобщить материалы, касающиеся некоторых предметов культа у ненцев, дополнив их сведениями, собранными в последние годы, в частности в 1962 и 1966 гг., в Надымском районе Ямало-Ненецкого национального округа.

Однако, прежде чем приступить к основной теме статьи, необходимо напомнить очень кратко общие положения о религиозных представлениях ненцев.

Еще сравнительно недавно у ненцев широкое распространение имели анимистические представления. Весь окружающий мир представлялся населенным духами, которые принимали непосредственное участие в жизни людей, принося им удачу или неудачу в промыслах, различные болезни и т. п. Небо, земля, реки, озера, отдельные места промыслов имели своих духов-хозяев. Так, *Нум'* — дух неба, олицетворявший собою светлое начало, — не имел никакого образа и обитал на небе. Непосредственно к Нуму ненцы обращались редко и, по-видимому, в случаях, каким-либо образом связанных с явлениями природы. Ему приносили в жертву ежегодно, весной и осенью, белого оленя, обычно на высоких горах,¹ а также посвящали живых оленей.² Дух-хозяин воды (*ид'ерв*) мог послать хороший улов рыбы, поэтому после каждого удачного улова ему приносили жертву, опуская какие-либо предметы в воду.

Ненцы почитали также предметы природы — ими могли быть камни или части скал необычной формы, сопки, которые в разную погоду якобы меняли свои очертания, лесок среди голой тундры и т. д. Такие священные места (*хэбидя я*) были широко известны ненцам, совершавшим там жертвоприношения. Наиболее популярными были так называемый Бол-

¹ Вениамин, архим. Самоеды мезенские. ВРГО, 1855, ч. 14, стр. 120—121; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. III. СПб., 1776, стр. 111 и след.

² Л. В. Костиков. Боговы олени в религиозных верованиях хасово. Этнография, 1930, № 1—2.

ванский Нос на о. Вайгач, Козьмин перелесок в районе р. Несь, священное место Яумал-хэ на п-ове Ямал, гора Минесей на Северном Урале, ряд священных мест на п-ове Канни. По преданию, приведенному у Вениамина, все они «произошли» от двух идолов на Вайгаче — Взако и Хадако (Старик и Старуха).³ Существуют и другие легенды об образовании этих святынь.⁴

Помимо этих широко известных в прошлом священных мест, во всех тундрах были разбросаны небольшие жертвенные места, почитавшиеся группами ненцев, принадлежавших к одному роду, или отдельными семьями, кочевавшими в данном районе.

Так, у надымских ненцев сохранились представления о ряде локальных божеств и духов-хозяев. Например, божество Мархы считалось защитником надымских ненцев от злых великанов. Километрах в пяти от поселка Шуга есть мыс, который как бы перерезан пополам. Там же имеются «старинные столбы»: деревья с торчащими вверх корнями и опущенными в воду кронами. Об этом необычном месте существует легенда: какой-то великан (*сюдбя*) решил перегородить Обскую губу запором между современными поселками Шуга и Хэ, чтобы не пустить рыбу в реку. Для этой цели он использовал деревья, вырванные с корнем, которые втыкал кроной вниз от берега к середине губы. Население в этом районе стало просить помощи у духов-покровителей этих мест, приносить в жертву оленей. Местом жертвоприношений был выбран высокий берег при впадении реки Надым в Обскую губу, впоследствии названный Хэбидя-сале, т. е. Святой мыс. Духи-хозяева этих мест решили помочь людям. По одному варианту легенды, дух-покровитель надымских ненцев Мархы в момент, когда великан довел запор до самого глубокого места губы, выстрелил в него из лука. Так как Мархы находился в районе среднего течения реки Надым, то стрела, поразившая великана, рассекла священный мыс, оторвав кусок земли, который упал против нынешнего поселка Шуга. Сраженный великан упал в воду и утонул. По другому варианту, великана застрелила из лука хозяйка реки Хамбаяха (*Хамбаяха ере не*), которая перед выстрелом просила разрешения у хозяина Хэбидя-сале рассечь мыс. Получив разрешение, хозяйка реки Хамбаяха натянула лук и стрелой (*ёхота*) разрубила пополам мыс и убила великана. Эта легенда, пытающаяся объяснить непонятное явление (деревья, торчащие корнями вверх из песка и воды перпендикулярно берегу), широко известна среди надымских ненцев. Проезжая мимо священного мыса, некоторые ненцы до сих пор бросают в воду монеты, табак и т. п.

Обычно жертвенные места располагались возле камня какой-нибудь особой формы, на вершине сопки, на берегу озера. В восточных районах расселения ненцев часто на священном месте ставили лиственницу (*яля ня* — букв. светлое дерево). Священными места признавались по указанию шаманов. Бывало, что на этом месте кто-нибудь испугался, провалился под лед, утонул и т. д. Тогда шаман указывал, что это место должно почитаться и что именно здесь нужно поместить или считать в качестве *хэхэ*, т. е. хозяина данного священного места.⁵ Слово «хэхэ» (в западных тундрах — *хэ*; в старой литературе — *хэг*, *хэги*) имело у ненцев довольно широкое значение. Им обозначали и священные скалы, и небольшие камни, отколотые от этих скал или просто имеющие при-

³ Вениамин, архим. Самоеды мезенские, стр. 125.

⁴ См.: В. И. Славин. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847, стр. 114.

⁵ Б. М. Житков. Полуостров Ямал. СПб., 1913, стр. 51. — См. также материалы Г. Д. Вербова: Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 29—30.

чудливую форму, и антропоморфные и зооморфные изображения из дерева или металла, хранившиеся обычно в чуме или на специальной нарте (*хэхэ хан*). В сочетании с некоторыми другими именами существительными слово «хэхэ» можно условно переводить как «святой», «священный»: *хэхэ мя'* — чум хэхэ, церковь, *хэхэ ту* — молния, священный огонь и т. д. В этом же значении употреблялось слово *хэбидя*, имеющее ту же основу *хэ*.

Как мы видели, словом «хэхэ» обозначали как предметы природы, так и изображения, сделанные руками человека. Можно предположить, что этот термин был общим для предметов культа у ненцев. По некоторым сведениям, им называли также духов, воплотившихся (или вместилившихся) в эти предметы.⁶ Однако среди хэхэ можно выделить две определенные группы: 1) находившиеся на урочищах и 2) связанные с жилищем и данной семьей.

Священные изображения, устанавливавшиеся на урочищах, имели обычно форму заостренных внизу кольев с грубо вырезанным на верхнем конце лицом или рядом лиц, расположенных одно над другим. Эти изображения носили специальное название *сядэй*, которое одни ученые производят от слова *ся'* (2-я основа *сяд*) — лицо,⁷ поскольку оно относится только к антропоморфным изображениям, другие — от омонима этого слова *ся'* (*сяд*) — горный крик, крутой берег, исходя из того, что изображения обычно устанавливались на возвышенных местах.⁸ Мы считаем более правомерным первое предположение.⁹ Иногда скульптурные изображения, устанавливаемые на священных местах, представляли собой человеческие фигурки, выделанные более тщательно.

Приведем достаточно характерное и для других районов описание жертвенного места Яумал-хэ, сделанное Б. М. Житковым: «Деревянные идолы (*сядаи*) сгруппированы в семь отдельных куч, стоящих вытянутым рядом в нескольких шагах расстояния одна от другой... Деревянные идолы здесь или обычного самоедского типа в виде коротких обрубков древесного ствола со стесанной наверху головой и грубыми насечками вместо глаз, носа и рта; или в виде длинных и тонких обтесанных палок, покрытых группами зарубок по семи в каждой группе. Но кроме этих обыкновенных изображений тут находились также две или три фигуры человека, гораздо тщательнее вырезанные из дерева, и несколько деревянных изображений птиц (*гагар*)...».¹⁰

Мы не будем приводить другие имеющиеся в литературе описания священных мест, они достаточно хорошо известны.¹¹

Вторая группа — домашние хэхэ (*мяд' хэхэ* от *мя'* — чум) — представляли собой или камни небольшого размера, или изображения из дерева (редко — из металла) антропоморфного или зооморфного характера. Антропоморфные изображения и камни (если позволяла их форма) одевали в меховую или сукодную одежду ненецкого покроя. В зависимости от функций этих изображений одежда была мужской или женской. Часто на одну фигурку надевали несколько одежд одна на другую.

⁶ Вениамин, архим. Самоеды мезенские, стр. 116. — См. также материалы Г. Д. Вербова и автора статьи.

⁷ М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. МЗП, 1860, т. VI, ч. II, стр. 131.

⁸ Вениамин, архим. Самоеды мезенские, стр. 116—117.

⁹ В литературе имеет место значительная путаница в употреблении терминов *хэхэ* и *сядэй*.

¹⁰ Б. М. Житков. Полуостров Ямал, стр. 49—50.

¹¹ Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966, стр. 199—201.

Каждую новую одежду шили в благодарность за «оказанную» помощь. К мяд' хэхэ обращались по самым различным поводам, связанным с оленеводством, промыслами, болезнями и т. д. Однако, как удалось выявить, многие хэхэ имели более определенные функции. Так, в Большеземельской тундре распространенным домашним божеством была *яр' пухуця*, предохраняющая маленьких детей от плача (*яр'* — плач, *пухуця* — старуха). Она представляла собой деревянное изображение, одетое в несколько женских одежд. Некоторые мяд' хэхэ «помогали» в оленеводстве, охоте или рыболовстве, другие — при различных заболеваниях. В фондах МАЭ в Ленинграде хранится несколько хэхэ, помогающих при болезнях. Одно из них — шкурка лемминга, обернутая в красный ситец и подпоясанная лоскутками из красного и желтого сукна (колл. № 1139-18); другое — небольшой камень, одетый в женскую суконную одежду (колл. № 1139-19). По сообщению А. Журавского, больного растирали камнем или кололи «носом» хэхэ в больное место. Если хэхэ помогал, для него забивали оленя и мазали теплой кровью. Если болезнь была серьезной, то шили, кроме того, одежду, если легкой — дарили медяшки, кушак, цепочки и т. д.¹² В качестве хэхэ иногда выступали изображения различных животных и птиц (чаще волка и гагары). К ним также обращались обычно в связи с оленеводством и промыслами. Интересен факт «проверки» мяд' хэхэ или сядэя: чтобы удостовериться, является ли данное изображение действительно «сильным», под его «покровительством» оставляли на ночь стадо оленей или забрасывали сеть. Если оно помогало, то изображение становилось предметом почитания, в противном случае оставлялось без внимания, даже наказывалось.¹³

Мяд' хэхэ ненцы хранили в чистой части чума (*си'*, 2-я основа *син*), расположенной против входа, а при перекочевках перевозили на специально предназначенных для этой цели нартах *хэхэ хан*. Эти священные нарты обычно делали на семи парах копыльев, они имели по семь зарубок на передней части нащепов (*нин*); покрывали их оленьей шкурой с головой, ногами и даже копытами,¹⁴ тогда как для подстилки на ездовую нарту употребляли только спинную и брюшную части шкуры.

Несколько особняком стоят домашние «божества», о которых в литературе сведения весьма скудны и характеристика которых — основная задача настоящей статьи. Их можно разделить на две группы.

Одна из них — это *мяд' пухуця* (старуха или хозяйка чума). Относительно нее было только известно, что это покровительница женщин. Иногда мяд' пухуця выступает под названием *я' небя*, что значит дословно — мать земли. Из описаний нескольких предметов культа этого типа, хранящихся в МАЭ, явствует, что назначение *я' небя* — облегчать роды: во время родов роженица держала *я' небя* на животе обеими руками, сжимая ее при болях и прося облегчения. Характерно то, что *я' небя* (колл. №№ 979-48, 1139-22, 1315-2, 2427-9) не имела, как другие хэхэ, деревянного или каменного туловища и головы. Вместо них или в одежду вкладывались кусочки сукна, или к шубе пришивались шанка и пимы. Иногда, по-видимому, на место лица в шанку вставлялась медная бляшка.

¹² Опись коллекции МАЭ, № 1139-19.

¹³ В. Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 116—117; Ю. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868.

¹⁴ В. Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 115; Е. Д. Прокофьева. Материалы по религиозным представлениям энцев. СМАЭ, 1953, XIV, стр. 227.

Другая группа мяд' хэхэ связана с культом предков — это *чытарма* и *сидрянг*. К. Д. Носилов рассказывает о «портрете» мужа, который вдова кормила и за которым всячески ухаживала.¹⁵ Данные о различии между *чытарма* и *сидрянг* удалось найти в архивных материалах Г. Д. Вербова. Согласно его материалам, *чытарма* — это предок мужчины или женщины, умерших давно, в преклонном возрасте. Изготавливали его из куска дерева, одевали и держали в чуме. Богатые оленеводы иногда убивали в жертву ему оленя. Делали *чытарма* через 7—10 лет после смерти данного человека и хранили очень долго, часто в третьем-четвертом поколении. *Сидрянг* — также изображение, связанное с культом предков, но у ненецких родов хантыйского происхождения, к которым Г. Д. Вербов относил род Салиндер и некоторые другие. *Сидрянг* делали из осины и оклеивали берестой. В качестве лица обычно использовалась металлическая пуговица. Изображение одевали, держали на спальном месте и кормили, в отличие от *чытарма*, постоянно, как живого человека, причем клали перед ним на стол нож, табакерку и т. п. Богатые оленеводы ежемесячно в полнолуние забивали для *сидрянг*'а оленя, а бедняки приносили бескровную жертву. Через три года его хоронили отдельно от покойного, в честь которого он сделан.¹⁶ Таким образом, чисто ненецким божеством, связанным с культом предков, по материалам Г. Д. Вербова, был *чытарма*.

Пытаясь подробнее изучить этот вопрос, я заинтересовалась сообщением В. Иславина, относящимся к середине XIX в., о том, что «*чытарма*» делаются в память прадедушки или прабабушки и суть божки, присутствующие при рождении младенцев».¹⁷ Получалось как будто какое-то совмещение функций мяд' пухуця (или я' небя) и *чытарма*: с одной стороны, это изображение предков, а с другой — культовый предмет, оказывающий помощь при родах.

Во время поездки на полуостров Ямал в 1953 г. удалось узнать некоторые дополнительные сведения. По сообщению ненки С. Ладукей и др., мяд' пухуця имела прежде в каждом чуме и находилась на женской его половине, обычно на подушке старшей женщины или в сумке над ее изголовьем. На мяд' пухуця бывало очень много одежды. Каждый раз, когда после болезни выздоравливал тот или иной член семьи, в благодарность ей шили новую одежду. К помощи мяд' пухуця прибегали в случае тяжелого заболевания (в том числе при родах), для чего ее клали в изголовье больного. Чтобы узнать об исходе болезни, брали мяд' пухуця на руки и взвешивали: если она казалась легкой, то больной должен выздороветь, а если тяжелой, больной умрет. В случае родов, при благополучном их исходе, покровительнице женщин дарили новую паницу, медное кольцо, кушак и т. п. Следует отметить, что женским божествам оленя в жертву никогда не приносились. Затем мяд' пухуця (напомним, что, по словам многих ненцев, мяд' пухуця тождественна я' небя) сажали на три дня в люльку новорожденного, после чего укладывали в ларь и помещали до следующей надобности в чистую часть чума.

Что касается *чытарма*, то по материалам, полученным на Ямале, это изображение «души» человека, которое делается после его смерти и в котором якобы человек продолжает жить среди живых. Место *чытарма* —

¹⁵ К. Д. Носилов. На Новой земле. СПб., 1903, стр. 18.

¹⁶ См. материалы Г. Д. Вербова: Архив ИЭ, ф. 2, оп. 1, № 70, стр. 39.

¹⁷ В. Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту, стр. 116.

в любой части *ва'ав* (спального места в чуме), чаще, однако, на женской половине. Если *цытарма* был изображением шамана, то его применяли для исцеления больных.

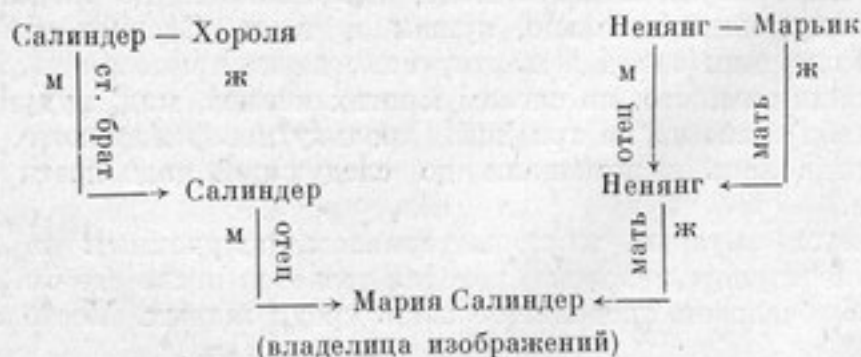
На Ямале существовал и термин «сидрянг». По словам ямальских ненцев, сидрянг — то же самое, что и *цытарма*. Отличие сидрянг в том, что его наряжают красивее и считают чуть ли не живым существом. Его чаще сажают за стол вместе с людьми, у него есть свое определенное место, своя чашка, ложка, кормят его обычно три раза в день в течение многих лет, а *цытарма* — только в первые месяцы после смерти человека, затем постепенно перестают это делать. Кормление сидрянг и *цытарма* происходило следующим образом: наливали в определенную чашечку чай или суп, который стоял перед изображением умершего до тех пор, пока он не остывал. Когда горячая пища остывала, считалось, что сидрянг или *цытарма* поели. Из их чашки отливали немного в костер или под печку и давали остальное доедать или допивать детям.¹⁸ Отличие сидрянг от *цытарма*, видимо, связано с хантыйским влиянием. В настоящее время слово «сидрянг» в ненецком языке используется в значении «тень». Все это были интересные дополнения, однако связи *цытарма* с рождением, родами установить не удалось.

Во время поездки летом 1962 г. в южные районы Ямало-Ненецкого национального округа удалось получить весьма ценные материалы, проливающие свет на приведенное сообщение В. Иславина.

В поселке Ныда (центр Надымского района) я получила в дар для музея четыре культовых предмета (МАЭ, колл. № 6591), которые являются в настоящее время большой редкостью. Владелица этих предметов, ненка Мария Салиндер, 1938 г. рождения, получила их в наследство от матери (в девичестве Ненянг), которая умерла несколько лет тому назад. Вещи, однако, хранились у дальней родственницы Марии, и известие об этом наследстве последняя получила незадолго до моего приезда в связи с выходом замуж и беременностью. По старым представлениям ненцев, эти предметы культа должны были помочь ей при родах. Будучи комсомолкой и не веря в священные предметы и духов, Мария Салиндер передала изображения мне, рассказав о них все, что знала сама. Ее брат, молодой парень, был очень рад, что я забрала это наследство, так как он явно стыдился его.

Главный культовый предмет¹⁹ из этой группы — *цытарма* — был изготовлен после смерти родственницы Марии, шаманки из рода Хороля, которая была замужем за Салиндером, старшим братом отца Марии.

Попробуем пояснить родственные связи маленькой схемой.

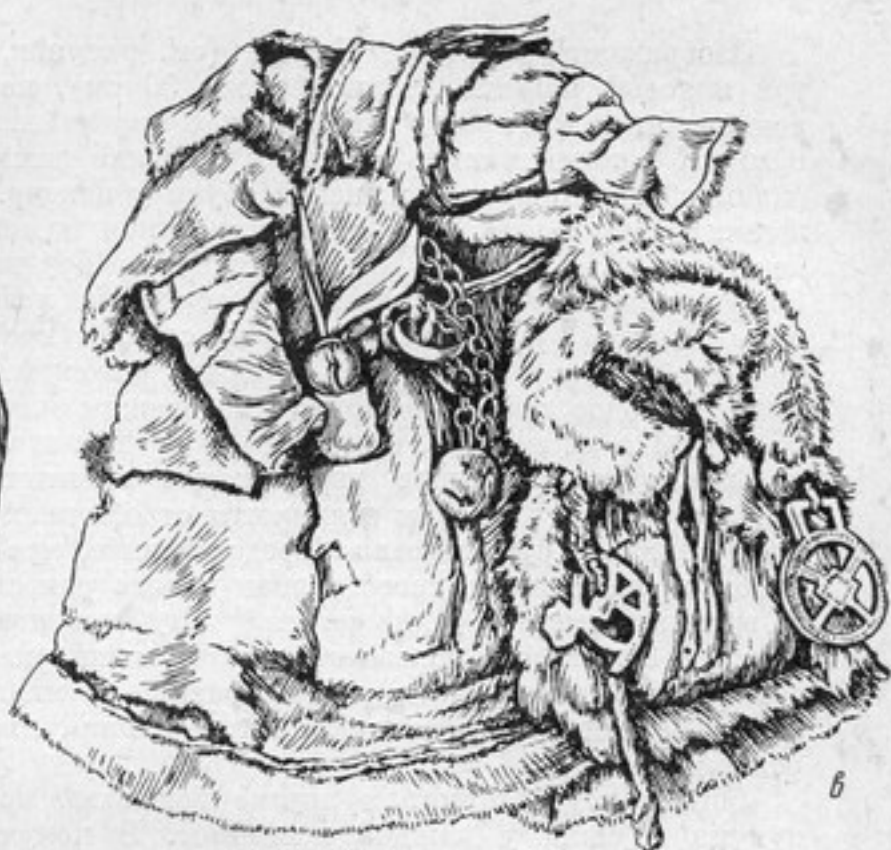

¹⁸ Материалы экспедиции автора на п-ов Ямал летом 1953 г.

¹⁹ Предмет сохранен в первоначальном виде.

a

b

b

г

Предметы культа надымских ненцев.

a — ymтарма; б, в — 'мал' пухуця; г — хасова ymтарма.

Изображение шаманки Хороля (см. рисунок, а) представляет собой три меховые паницы (длиной около 30 см), надетые одна на другую, подпоясанные четырьмя ремешками с привязанными к ним тремя кольцами. К нижней панице пришиты женские пимы, сшитые по всем правилам обычного покроя женской обуви у ненцев. Верхняя часть изображения обвязана как бы головным платком из ситца. Внутри паниц ничего нет. По словам М. Салиндер и других женщин (М. Ядне, Н. Салиндер), это изображение, которое они называли *ңытарма*, считалось богиней родов, которую в случае необходимости передавали из чума в чум и сажали в изголовье рожениц. Изображение угощали, а после родов шили что-нибудь из одежды или дарили пояс, кольцо и т. п. По сведениям, полученным от надымского ненца В. И. Ядне в Салехарде, описанное изображение идентично женскому божеству *я' мяня* (или *я' неба*) и отличается от обычных *мяд' пухуця*. У надымских ненцев²⁰ существовало представление, что при рождении ребенка якобы производилась своеобразная запись относительно будущей жизни и времени смерти родившегося.²¹ Эту невидимую запись производит женское божество в образе старухи *я' мяня* (название это можно перевести как «внутри земли»). Изображение *я' мяня* (иногда оно делалось из дерева), одетое в женскую одежду и шапку, всегда находилось в чуме роженицы.

Богине родов помогали другие божества, которые назывались *мяд' пухуця* и были у каждой женщины. В полученном мною комплекте из четырех изображений есть два изображения *мяд' пухуця*. Одно из них было сделано матерью Марии после рождения последней (старшей ее дочери) и является как бы ее портретом (см. рисунок, б). Вторая *мяд' пухуця* досталась Марии от бабушки по матери — Ненянг, из рода Марык (см. схему), — которая изготовила ее после рождения матери Марии (см. рисунок, в). Обе *мяд' пухуця* представляют собой подпоясанные несколькими поясами паницы, надетые одна на другую. К поясам привязаны многочисленные бляхи и украшения (к пояску одной *мяд' пухуця*, в частности, через пробитые дырочки прикреплены две современные пятикопеечные монеты чеканки 1931 и 1943 гг.). Внутри паниц ничего нет, кроме одного изображения (см. рисунок, б), где имеется сшитый в виде обычной ненецкой куколки кусочек сукна с пришитой к нему монеткой, зашитой в ровдугу. У одной из *мяд' пухуця* на «голове» надета шапка, у другой она привязана к поясу.

Четвертое изображение — мужское, оно не имеет прямого отношения к данному комплекту (см. рисунок, г). Мария Салиндер точно не могла сказать, кого оно изображает (в честь кого сделано). Называется оно *хасава ңытарма* или *хэхэ*. «Наверно, какой-нибудь дедушка», — сказала Мария. К нижней его малице пришиты мужские пимы, а сзади на поясе — монетка, зашита в ситцевую тряпочку, изображение рыбы из жести и миниатюрный наконечник для хорей, которые должны были помогать в рыболовстве и оленеводстве.

²⁰ Мы указываем эту группу ненцев, так как приводимые сведения получены в Надымском районе; однако религиозные представления всех групп ненцев в основном совпадают.

²¹ Вера в предопределение будущей жизни человека, отдельные события которой могут быть известны только шаману, приводила к отказу от борьбы за благоустройство своей жизни, к покорности судьбе. Так, ненцы обычно не оказывали помощи утопающему, считая, что он уже принадлежит хозяину воды и судьба его предопределена; не пытались вернуть к жизни замерзшего и т. д.

Священные предметы хранились в чуме отдельно: женские — на спальном месте (*ва'ав*) возле входа, мужские — в чистой части чума (*си'*).

Полученные в дар в Ныде культовые предметы представляют несомненно значительный интерес как памятники религиозных верований ненцев.

Таким образом, среди предметов культа, которые считались покровителями женщин, можно выделить две категории. Предметы, относящиеся к первой, делались после смерти шаманки, и пользовалась ими целая группа женщин, принадлежащих к одной фратрии. Изображения другой категории (мяд' пухуця) делались каждой женщиной после рождения первой дочери. Все предметы культа покровительницы женщин передавались исключительно по женской линии и служили помощницами женщин, которые всегда были чужеродками в кочевой общине, где они жили (нам известна только патрилокальная форма брака у ненцев). Известно, что замужние женщины исключались из числа лиц, которые участвовали в отправлении родовых культов, жертвоприношениях и т. п. Однако, как мы видим, женщины имели своих покровителей среди божеств и духов.

Крайне интересна возможность установить совершенно точную родословную полученных в дар *нытарма* и мяд' пухуця. Это свидетельствует о том, что они изображают конкретных лиц, однако не умерших, а живущих, о чем ранее не было известно. Приведенные данные не исключают дальнейших исследований в этой области.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что несмотря на трудности исследования, с которыми мы сталкиваемся при изучении древней идеологии, нас не может не радовать то светлое, что вошло вместе с Советской властью в жизнь всех народов нашей страны и сметает пережитки прошлого в сознании людей. Это — новые интересы, связанные с жизнью всей страны, строящей коммунизм, тяга к образованию и культуре, дружеские связи с другими народами и т. д. Современная ненецкая молодежь своими руками создает свое счастье, а не надеется на помощь божков. Хорошим примером является молодая женщина Мария Салиндер: накануне родов она отдала в музей идолов, в которых столетия верили ее предки, и предпочла опыт врачей.